

КОНТИНЕНТ

*Литературный, публицистический
и религиозный журнал*

Выходит 4 раза в год

102

1999, № 4

октябрь — декабрь

ПАРИЖ • МОСКВА

произведения. Авторством в цикле он наделяет множество персонажей — здесь и многочисленные рассказчики и переказчики услышанного, и покойный Белкин, и ничто не понявший издатель А.П. И еще один А.П. — центр смысловой гравитации, поэт в маске пробошника. Вся структура напоминает орех, ядро которого один А.П., а скорлупа — другой.

Сложность структуры цикла тонко почувствовал Ушин еще в двадцатые годы: «Эти маленькие незаекливые истории обращены одной стороной, своей твердой корой, к Митрофанушке, к белычье-мирооупущенному Белкину, а ядром — к выскальскому трустоному, созерцательному жазиню»³.

Пушкин не предвещал окончательных ответов. Написав Пробошника, оттолкнувшего от себя распылявшегося в прах скептика (который, кстати сказать, по мнению Дэвида Бетца, очень напоминает старика Державина), он призывает через несколько дней тень умершей Ризницы в стихотворении «Зажиняние», поиблюе Командора в «Каменном госте»... А по истечении трех месяцев болдинских трудов, в которые он завершил чуть не треть созданного им за всю жизнь, Пушкин перед отъездом посетил своего соседа и в его журнале написал следующие строки Державина:

Река времен в своем стремлении
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И обшей не увидит судьбы.

³ Ушин В. С. О Повестях Белкина. Петербург, «Аквилион», 1924.

ТАЙНЫ СЧАСТЬЯ И ГРОБА: «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА» И «МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ»

Сергей ДАВЫДОВ

«Давыдова ли хоронят,
Редьму ль замуж выдают?»

В пушкинноведении давно укрепилась мысль, что «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии» родили ряд звуковых мотивов. В «Выстреле» и «Моцарте и Сальери» блистательный счастливец противопоставлен человеку упрямства и воли, который не может примириться с мыслью, что вечному любимому счастью во всем везет — «Зависть и ревность к чужой удаче толкает Сильвио и Сальери на дьявольскую месть» (Бам), Сильвио шесть лет ждет случая разрядить пистолет, Сальери ждет 17 лет, чтобы упрямить яд (Валуру). Появление Сильвио во время медового месяца к графу и графине сопоставимо с приключом статуи Командора в момент первого поцелуя Дон Гуана и Донны Анны. «И в «Выстреле» и в «Каменном госте» при расшпате присутствует любимая женщина» (Ахматова). Дерзкая пролетка Бурманна в «Метели» срывает любовным козырем Дон Гуана. Тема «вдовства» проходит золотой нитью чуть ли не сквозное все «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии»: Адриан Прохоров — вдовец, Вырин — вдовец, Муромский и Берестов — вдовы, Марья Гавриловна и Бурмин — по-своему «вдовствуют», а в «Выстреле» графине угрожает участь Донны Анны. В «Маленьких

трагедиях» Барон, Вальсингам и жена Моцарта — вдовы, а Сальери — то ли вдов, то ли брошен своей Изорой. Приглашение мертвою на пир и их ночное явление к Пробошнику передлюбовано в «Каменном госте» в визит статуи Командора (Першезон, Бам), а в «Пире во время чумы» — в приглашение чумы на пир. Православные мертва, статуя и чума — званые гости!

Список подобных тематических переключек и сюжетных рифм можно продолжить, два цикла в прозе и в стихах помечены рядом римских цифр, позволяющих говорить о ских близнецах», необходимо напомнить биографический фон и тот круг мыслей, которые занимали Пушкина в Болдине осенью 1830 года.

* * *

Отправившись в свое родовое имение, 31-летний Пушкин очутился на поворотном пункте жизненного пути. Поездка в Болдино была связана с помощью с Натальей. Пушкин должен был войти во владение деревни Кистеневка, полученной накануне женитьбы в наследство от скупого отца, и, заложив сотню душ, выручить деньги на приданое для невесты, ибо таково было условие будущей свекрови. В эту осень Пушкин находился на пути от Амра к Гименю. В болдинских эпиграмах («Прощание», «Зажиняние», «Дня беретов отчины дальньої») он прощается с холостым прошлым, с любимыми женщинами, живыми и умершими, и в завершение пишет «Каменного гостя». Пушкин, в чьем донжуанском списке к этому времени насчитывается 34 имени, счастье, в которое он почти не верит: «Mais le bonheur..... s'est un grand peu vite, le diant Rabelais du paradis ou de l'éternité. Je suis l'ainé du bonheur...» (Осиповой, 5? нояб. 1830). К тому же в эту бессмертную осень Пушкина окружает со всех сторон смерть: «Около меня холера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? — пишет он другу, — биографю. Великий дядя Василий!» (Плетневу, 9 сент.). Накануне отъезда Пушкина в деревню в Москве умер дядя поэт, Василий Львович (20 авг.), и Пушкину пришлось взять на себя хлопоты и расходы по длинным похоронам. «Il faut avouer que jamais oncle n'est mort plus mal à propos. Voilà mon mariage retardé encore de 6 semaines...» (к Хитрову, 21 авг.). Из-за длительной смерти и новых долгов племяннику пришлось отложить дату свадьбы. Отправившись в Болдино, Пушкин так и не знал, чем кончится его жениховство.

Кажется, что в Болдине Пушкин решил сам написать такую биографию, в которой смерть то и дело угрожает любви. В длинную дорогу Пушкин захватил с собой английскую книжку «The Poetical Works of Milton, Bowles, Wilson, and Valcy Cornwall: Complete in One Volume» (Paris, 1829), содержавшую драму Джона Вильсона «Чумной азатской холеры. Из-за карантинной, письма от Натальи, оставшейся в Москве, заглядывали. Пушкин увещевает невесту покинуть город и неблаговидное соседство Пробошника Адриана: «Как Вам не стыдно оставаться на Никитский во время чумы? Это хорошо для Вашего соседа Адриана, у которого выгольные жакеты. Mais Наталья дождит, безденежный болдинский помещик проповодевал в церкви с явным своим крепостным, что холера была послана им Богом в наказание за то, что не платит оброк»¹.

¹ Только у «Барышни-крестянки» нет эквивалента среди «Маленьких трагедий». Эту пятую повесть можно рассматривать как счастливый эпизод ко всем «Повестям Белкина», в которых некая враждебная сила угрожает, но так и не смогла помешать счастью молодой пары, ничем особенно не задержившей такого исхода.

² См. Шегалева И. Е. Пушкин и мужики. М., 1928. С. 91.

Итак, святошество к Наталье, добытые деньги на приданое и нависшая угроза смерти позволяют под болдинские прозябания призрачный реалистический фон. Раздумий о «тайнах счастья и проба» то и дело всплывают на поверхность. Вспомним стихотворение «Весь», которым открывалась болдинская осень: «Домового ли хоронят, / Верьмуль замуж выдают?» или «Элегия», написанную на следующий день: «Но не хочу, о други, умирать; / Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать? <...> / И может быть — на мой заказ печальный / Виснет любовь унылого прощальной». Вслед за «Элегией» Пушкин пишет «Робовишка». Повесть открывается эпиграфом: «Не зрим ли каждый день пробов...» и описаньем веселой вывески над лавкой робовишка, изображающей «Дорожного Амура с опрокинутым факелом». Опять любовь и смерть рядом.

«Робовишка» был написан первым из пяти «Повестей Белкина». Симметрично обрамленный остальными повестями, он занял центральное место в композиции лирика. На последней странице рукописи этой «замолчаливой» повести мы читаем: «А вот то будет, что и нас не будет», которую Пушкин первоначально собирался поставить эпиграфом ко всем «Повестям покойного Белкина» (ПСС 8/2:625)³. Рисунки на рукописи «Робовишка» тоже свидетельствуют о тесной связи повести с пушкинскими биографиями. На последней странице, под рисунком возниги похоронных дрог и вслед за фразой: «А вот то будет, что и нас не будет», Пушкин набрасывает профиль невесты. Опять это прикосновение «пробы» и «смерти», Эроса и Танталося, под знаком которых будут писаться остальные «Повести Белкина».

* * *

Сомневался в возможности счастья в реальной жизни («В вопросе счастья я агитств», Пушкин как бы прикидывает такую возможность на бумаге. Это «своеобразное закливание судьбы», — замечает А. Аматова. В четырех из пяти «Повестей Белкина» любви «верных сердец» угрожает некая враждебная сила, препятствующая их счастью и судьящая смерть. Но в конце эта сила обезврежена, и любовь торжествует. Все чревато трагическим исходом ситуации «Повестей» разрешаются счастливыми развязками. В «Выстреле», «Метели», «Стационарном смотрителе» Пушкин соединяет любовь сердца (Графиня с Графом, Марья Гавриловна с Бурминным, Дуня с Минским) в буквальном смысле «над могилкой» угрожающего их счастью героя (Сильвио, Валюшка, Вырина). В последней повести, «Варышине-крестьянке», Пушкин обошелся без жертв: в счастливым эпизоде ко всем «Повестям Белкина» Пушкин ведет Владимира и Лизу под венчик уже за стеной, где над «могилой» старинной родовою вражды будет строиться их счастье.

Итак, в четырех повестях Белкина, обрамляющих центральную повесть «Робовишка», Пушкин показал себя и *ловкой свахой* и *умелым мовильщиком*. В не выписываемся в эту схему «Робовишке», где нет любовной интриги (если не считать несправедливое подолжение Адриана: «Не ходят ли любовники к мому дурману?»), только приподнятая вывеска, и изображающая «дорожного Амура с опрокинутым факелом» отражает, а быть может, и порождает тематическое единство остальных «Повестей Белкина», в которых Пушкин так успешно сплел счастье двух сердец на могиле третьего.⁴

³ Это мрачное изречение — афоризм святогорского игумена Ионы, наставившего Пушкина во время его ссылки в Михайловское. В Святогорском монастыре находился семейная усыпальница Ганнибалов. Поэт похоронил здесь в 1836 году свою мать и тогда же купил рядом с ней место для себя, на котором был похоронен годом позже.

⁴ См. об этом в статье: D. Velina and S. Davudov, Pushkin's Satirical Cupid: The Poetics of Parody in The Tales of Belkin. Publications of Modern Language Association 1 (1981), 8—21.

А. Аматова справедливо заметила, что «Пушкин, наверно, не хуже нас знал, как кончалась любовь барчука к крепостной девке (Ольга Калашникова), знал, что Дуня, несомненно, должна была мести мостовую «с тольго кабацкой» (политическое наказание проститутки) и что героине «Метели», обвенчанной невдомом с кем, предостало впасть одинокие дни». В «пиршественных развязках» «Повестей Белкина» Пушкин «словно подкашивает судьбу, как спасти его, поясняя, что нет безвыходных положений и пусть будет счастье, когда его не может быть, вот как у него самого, когда он задумал жениться на 17-летней красавице, которая его не любит и едва ли полюбит» (Аматова). Здесь, в «Повестях Белкина», всё кончается благополучно: любовь попирает смерть и дорожный Амур красуется над лавкой робовишка.

* * *

Закончив свой лебедь в прозе (20 окт.), Пушкин чуть ли не на одном дыхании пишет «Маленькие трагедии» (23 окт.—6 нояб.), в которых он в новом жанровом ключе продолжает испытывать возможность и пределы человеческого счастья. Но «драматическая опята» приволят Пушкина к диаметрально противоположным результатам.

Герои «Маленьких трагедий» пытаются обрести счастье путем удовлетворения некой заветной, Эросом выхваченной страсти. Избранные ими предметы — золото, музыка, любовь, сама жизнь — поднимаются по восходящей линии, образуя определенное кредендо. Предмет страсти наделяется явными эротическими атрибутами. Погоняясь по-журчески своим кумирам, герои испытывают «неизъяснимы наслаждения» и устраивают пир. Через свое служение они мнят обрести земной рай и вечность — «бессмертье, может быть, загод». На пути к их блаженству ложится некое препятствие, которое они удачно устраняют. Но победа героев оказывается временной. На пороге или на вершине блаженства, внезапное «пробовое виденье» омрачает их торжество. В тубоком подполье, с вершины возвышенного из золота холма, Врон озирает свою державу. Но тут его настигает «Когитный зверь, скрепящий сердце, совесть... эта ведьма / От копей меркнет мысли и мотивы / Смущаются и мертвые выслышат». Барона терзает и другое, более конкретное «пробовое виденье», как бы подкомпренное уже с той стороны жизни: сын крадет ключи у трупа отца. У Альберта свое «пробовое виденье»: «Плавет юноша вечер, а няные умер. / И вот его четыре старика / Неут на стоборбанных плечах в мотушу». К Молдарту оно вторгается в самые счастливые творческие и жизненные минуты: «Я весел... Видут: виденье пробовое. / Незапятный мрак, или что-нибудь такое...». Когда Молдарт играет на полу со своим мальчишкой, к нему подползает человек и заикается Requiem: «Мне день и ночь покоя не дает / Мой черныи человек». Страсть Сальери то и дело напоминает о своей смертности. От любви у него осталась лишь «ят, последний дар моей Изоры», а творческая страсть отдает мертвечинной: «Звучи умеривив, / Музыку я рвал, как труп». Эрос Дон Гуана искажен патологией: близость трупа действует как возбуждающее любовное орудие. Роман с няне покойной Инезой происходил на кладбище, где теперь бродит ее призрак: «Странную приятность / Я находил в ее печальном взоре и помервельных губках». На этом же кладбище Дон Гуан ухаживает за Долой Анной, а статуя Командора «кивает головой в знак согласия» стать на часах у дверей своей вдовы. В «Пире во время чумы» «виденная пробовые» — самая повеледвенная и конкретная реальность. Тем не менее веселые гуляк не на шутку омрачает просежающая «телега, наполенная мертвыми телами».

«Пробовые видения» в «Маленьких трагедиях» предвосхищают развязку, от которой нет спасения. В мигниту блаженства виновники оторваны от предмета своей страсти, и земной рай, казавшийся таким достижимым, уходит навсегда. Смерть отлучает Барона от «верных сундуков», но и на счастье Альберта лежит пятно за причастность к отпублйству; Молдарт гибнет на вершине творческого и семейного счастья, а Сальери будет до пробовой доски мучим сомнениями о совместности «тени и злодейства».

Завя «правду» в свои руки, герои грешат не только против провинения, но преступают и освященные веками устои человеческой жизни. Из десяти заповедей Моисея герои нарушают восемь и совершают чуть ли не каждый из семи смертных грехов⁵. Чем возвышенней предмет страсти, тем тяжелее грех берут герои на свою душу в поисках преступных наслаждений. В иерархии «Маленьких трагедий» высшей ценностью (после золота, искусства и любви) является жизнь. Преступления против жизни образуют крещенно: желание смерти («Скупой рыцарь»), преднамеренное убийство («Молчарт и Сальери»), многократное убийство («Каменный гость»), массовая смерть и убийство души («Пир во время чумы»). *Танатос торжествует над Эросом.*

Итак, болинские рассуждения о «тайнах счастья и гроба» породили две фабульные линии — счастливую в прозе, трагическую в стихах. Сульба-фортуна, так щедро награждающая своих баловней в «Повестях Белкина», обернулась в «Маленьких трагедиях» сульбой-роком (Бем), сурово карающим стяжателей «некызьянских наслаждений».

* * *

В размышлениях о «тайнах счастья и гроба» я бы выделил «Гробовщика» и «Пир во время чумы» как тексты наиболее непосредственно связанные с жизненной обстановкой Пушкина в Болдине: на пороге женитьбы, без денег, исполнен небывалым восторженiem, окруженный со всех сторон холерой. В «Гробовщике» ход бесцельной жизни прерывается приходом мерзвоты на новоселов, в «Пире во время чумы» — вторжением смерти на пир. Но в «Гробовщике» виденье «гробовое» — сон, в «Пире во время чумы» — случай реальности. Если подобрать один образ, выражающий эту разницу, я бы предложил повесить над иконостасом «Повестей покойного Белкина» вывеску «Лордного Амура с опрокинутым факелом», а эмблемой единства «Маленьких трагедий» я бы выбрал «стелу, наполовину мерзвыми телами»: «эта черная телеса Иисус право весело разжезжал — Мы пропущем, ее должжны». Обе эмблемы как нельзя лучше отражают разные исходы коллизии между Эросом и Танатосом и подчеркивают исключеную роль самого Пушкина как «сваха» и «гробовщика».

Щерой рукой Александр Пушкин подарил гробовых дел мастеру Адриану Прохорову свои инициалы. (В черновиках сопадают даже инициалы их отчества: Семенович — Сергеевич.) Показателен и год 1799: Прохоров начинает свою профессию в год рождения Пушкина. Гробовщика и поэта рождает и обшая московская топография (Васильевская, Нижняя). Когда-то веселый Пушкин разделил с мрачным Прохоровым даже профессию: все арзамасцы, как известно, были «гробовщиками» и в их обязанности входило отпевать и хоронить «трупа» членов «Веселых любителей русского слова». В «Пире во время чумы» есть тоже свой любопытный автобиографический штрих:

5 1. «Аз есмь Господь твой: да не будут тебе боги инии...» и 2. «Не сотвори себе кумира...» относятся ко всем идолопоклонникам «Маленьких трагедий». 6-я заповедь «Не убий» относится ко всем идолопоклонникам «Маленьких трагедий». 6-я заповедь 5-я заповедь. «Ты отец твою и мать твою» относится к Сальери и Дон Гуану, послушествуй на друга твоего свидетелем ложи» к Барону. 7-я и 10-я заповеди «Не прелюбуй сохотори» и «Не пожелай жизни ближнего твоего...» относятся к Дон Гуану. Из смертных грехов: *сребролюбие* — это грех Варона, *бурд* — Дон Гуана, *завое* — Варона, Альберта и Сальери. *Превосудием* прещает все, кроме Варона, который пингует сумки (потери надежды) — это грех гуляк в «Пире во время чумы». Грех *гордыни* относится почти ко всем героям «Маленьких трагедий».

⁶ См. об этом в моей статье «Pushkin's Metu Undertaking and "The Coffmaker"». — «Slavic Review» 1 (1985), pp. 30—48, и «Веселые гробовщики: Пушкин и его "Гробовщик"». — «Пушкин и другие», ред. В. Кошелев. Новгород, 1997. С. 42—51.

гробовщик, управляющий телетой с трупами, — негр. (В русском контексте — не намекает на африканскую происхождения поэта?)

Но по своему творческому темпераменту Пушкин, конечно, ближе всего к Валле-синану. «Тимн чуме» Председателя — не первый с английского, а стихи самого Пушкина. «The Song in the Plague» из «Чумного города» Вильсона (якт 1, ст. 4) — это единственный текст, который Пушкин не использовал в «Пире во время чумы», а содержит он следующие любопытные строки:

The miser sickens at his hoard,
And the gold leaps to its ghastly lord.
And many a widow slum weeps
O'er the grave where her old dotard sleeps,
While love shines through her moisten'd eye
On yon tall stripling gliding by.

(Скупой чхнет над своей трюмой. А знато уходит к законному наследнику. Не одна вдова притворно убивается На могиле старика-рогача, А любовь уже подглядывает сквозь слезы На стройного проежего молодца.)

Читая по дороге в Болдиню эти строки, Пушкин не мог не вспомнить о проекте, задуманном еще в 1826—1828 гг., от которого сохранились списки заглавий, включая «Скупой, Молчарт и Сальери, Дон Жуан»⁷. Закончив свой дебют в прозе, Пушкин пишет драматический цикл в стихах. Болинские раздумия о свахе и холере, любви и смерти, сульбе-фортуны и сульбе-роке, о «тайнах счастья и гроба» и «завое-розе» и дьяволом чумы» — это тот круг мыслей, та животворящая «шпалента», которая питала в эту бесмертную осень столь непохожих друг на друга болинских «близнецов».

⁷ Пушкин А. С. Драматические произведения. Т. 7, ред. Д. Якубович. АН, 1935. С. 376.

Виктор ЭРАИХ

ПУШКИН И «ОПОЯЗ»

(Место Пушкина в истории русской литературы)

В резко полемической статье «Минимал Пушкин», впервые опубликованной в 1972 году в томе «Поэтика. История литературы. Кино», Юрий Тынянов подверг суровой критике напугавшую формулу Аполлона Григорьева: «Пушкин — это наше всё». «Как ни высока ценность Пушкина, — писал Тынянов в 1922 году, — ее всё же несчаем считать нектозначительной. Несчаем смотреть на всю предшествующую литературу как подготовку Пушкина (и в знавательной степени им отмененную), а на всю эту подготовку, как продолжательную его или борющуюся с ним. Этот наивный телесоло-Пушкина становится бессмысленной, а сам он остается непонятным чудом. История-ко-литературное изучение, вполне считаясь с ценностью явлений, должно порвать с общепринятым. Вскоре Борис Томашевский будет вторить Тынянову: «Надо забыть ветхозаветную до Пушкина и новозаветную после Пушкина... Пора вывинуть Пушкина в исторический ряд и изучать его так же, как и всякого рядового деятеля литературы»².

¹ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История. Литература. Кино. М., 1977. С. 78.
² Томашевский Б. Пушкин. М., 1925. С. 74.